

В. С. АКСаКОВА

Из дневника

1855 ГОД

1 января, суббота. Мы были почти все у обедни. Молебен на новое лето особенно кстати в настоящее время. Да благословит Господь новое лето, да отвратит свой праведный гнев на нас, да утвердит Православную Церковь и разорит агарянское царство!¹ Воротясь из Хотькова, мы прочли продолжение «Гимназии» из воспоминаний отесеньки², чрезвычайно интересно и прекрасно передано. Потом стали было продолжать «Посольства», но приехал священник с женой и оставался целый день. В Москве, говорят, ждут уже врагов и поговаривают о том, как бы спасти имущества.

2 января. Сегодня получили множество писем, именно от Гильфердинга, который не наверное обещает приехать к нам из Москвы, куда собирается на месяц; он, между прочим, пишет, что Святославовых дел не дожидаться нам, что очень грустно и т. д. От Кулиша письмо в желчном расположении духа; он раздражается тем, что мешает ему читать у Смирновой толпа светских и дипломатических гостей и т. д. Пишет, между прочим, о затруднениях, с какими он попал в Абрамцево, и в своей возвратной поездке; я думаю, что он не приедет к нам. Письмо — от М. Карташевской; говорят, что чума в неприятельском лагере под Севастополем — сохрани Бог. Тургенев возвещает свой приезд 8-го или 9-го. Не очень можно желать его приезда. Известия из деревни самые плохие. Дядя Николай Тимофеевич остается в Симбирске по случаю нового манифеста; видно, они приняли его в воинственном духе, и дядя одушевлен искренним энтузиазмом. Гильфердинга письмо смугило даже Константина; должно заключить, что будет мир. Иван уехал в Москву вечером. И для него, и для нас лучше быть врозь.

Января 4 — день рождения Гриши³. Известий с почты особенно никаких, но надобно ждать мира.

5-е января. Мы были у обедни и вечерни на водоосвящении. Служили торжественно и благочестиво. «Приидите, примите духа премудрости, духа разума, духа страха Божия...» Молитва перед освящением воды в этот день, сочельник (накануне Крещения), удивительно хороша.

6 января. Были у обедни, но, к сожалению, опоздали и не слышали «Елицы во Христа креститесь». После обедни ходили в келии смотреть на Иордан. В одной из келий были со мною две монахини, обе ходившие в Иерусалим; мы разговорились о войне, я объяснила им, что мы отдаем православных под покровительство католиков; они обе понимают как нельзя лучше, что католики хуже турок для православных, и пришли в крайнее удивление и сердечное огорчение при таком известии; одна из них начала молиться, чтобы Господь вразумил Государя, чтобы укрепил Православную Церковь. В этот день получила и письмо от Машеньки; она пишет, что мы принимаем даже истолкования 4 условий, только враги наши будто бы согласились выключить требование об уничтожении Севастополя и флота; но я этому не верю; враги наши не уступят нам этого пункта, а разве только согласились не делать его явным. В 11 часов утра приехал Иван, а за ним должен был вслед явиться Самарин; между тем Константин уехал к Троице, чтобы побывать у Гилярова и Брызгалова. Иван привез подтверждение известия о мире и много разных вестей, и политических, и частных. Говорят, уже Государь и двор повеселели от надежды на мир. А что за мир — позор и грех! Погодин, говорят, написал очень хорошую автобиографию и упомянул в ней об нас, т. е. об отесеньке в особенности, об братьях и об нашем доме⁴. Хомяков слышал и очень хвалит, но нас это немного смутило. Погодин с самым лучшим намерением мог написать весьма неловко и неприлично, по крайней мере, сделать нас смешными.

К нам собираются много гостей и даже таких, которые никогда не бывали у нас. Видно, мало занимательного в Москве. Самарин приехал часа в три, Константин вслед за ним, пошли тотчас разговоры. Самарин был очень прост, дружелюбен. После обеда читал свой проект об крепостном праве⁵. Это еще не кончено, но написано очень умно, местами прекрасно выражено, но применения к делу кажутся весьма неудобноисполнимыми. Это самый затруднительный вопрос, и вряд ли можно его разрешить на бумаге, но необходимо приготовить к этому неизбежному перевороту, а главное, убедить помещиков добровольно на

него согласиться. В настоящую минуту это самый главный и важный вопрос. Теперь ясно становится, что куда народ не получит глаз и ушей, чтоб понимать, что около него и с ним делается, то никакого возрождения Россия ждать не может, а уши и глаза откроются только тогда, когда будет он освобожден от рабства, парализующего его способности, его жизнь и участие. Но Самарин думает его распространять; но это не может пройти даром. Негодование благородного русского дворянства ищет средства, чтобы повредить ему. Не дай Бог! После чтения много говорили и толковали.

8 января. Целый день Константин читал Самарину отесенкины записки. Самарин просил убедительно прочесть все, что только было написано без него. Самарин был в современном восхищении, особенно от женитьбы Тимофея Степановича⁶. Он сделал очень верное замечание. «Сергей Тимофеевич, сказал он, представляя человека, передавая все его впечатления, его сердце, не идет путем разложения и анализа, но сохраняет его в целости, передает его в полноте, как оно есть, а между тем вы видите все подробности, и от этого такая свежесть, цельность, жизнь во всем». Это правда, и совершенно противоположное встречаем мы во всех писателях нашего времени; между ними есть и весьма замечательные и даровитые люди, но все они принадлежат к одному разбору, все аналитики, дагерротиписты, лишаящие свой предмет, прежде всего, жизни и души.

После обеда, во время чтения «Гимназии», приехал Мамонов⁷. Мы встретились радушно, — добрый человек и старый знакомый. Мы давно его не видели, и он напомнил нам прежнюю жизнь. Он привез показать свой портрет масляными красками, им же самим написанный. Очень хорошо, но неоконченный, как и все, что он делает. Человек, одаренный разнообразными талантами и не способный ни одного из них обратить в дело. Продолжали читать «Гимназию» и после чаю. Много говорили, толковали, спорили даже и, наконец, простились с Самариним. Они ушли все наверх, и Самарин уехал не прежде 3-го часу. Самарин — человек чрезвычайно умный и высоких достоинств. Жаль, что он слишком занялся теперь хозяйством и начинает отставать от другого рода занятий и окончательно теряет доверие к своим способностям, а он мог бы сделать много полезного в умственном мире.

9 января. Получили «Московские Ведомости», и 4 №№ газет иностранных. Все подтверждают одно — постыдный мир; уже начались конференции с русским послом. Хотя и ждали его, но удостоверение в нем привело всех в уныние, скорбь, раздраже-

ние, почти отчаяние. Но теперь надо бы ожидать, что выместится все унижение, которое было испытано перед иностранными государствами и перед своим собственным народом, над нами за то, что были нам на время развязаны языки, что мы высказали свои советы и желания, и письменно и печатно, которые все теперь служат только обвинениями. За все это как бы не пришлось расплатиться! Иван получил письмо от Смирновой, всех поразившее. Она последнее время писала к нему очень часто, высказывала полное сочувствие и даже говорила, что теперь не время быть осторожной, и вдруг сегодня пишет ему такое письмо: «Милостивый государь. Я вас не знаю, не разделяла никогда и не разделяю ваших убеждений и мыслей. Запад гибнет от гордости и пустословного порицания. Россия спасется смирением, любовью и т. д. Служить надобно не фантастической России, а такой, какая она есть» и т. д. Это письмо всех удивило, и после многих толков мы не могли его иначе себе объяснить, как тем, что в настоящую минуту знакомство с такими людьми, как Аксаковы, опасно и то, о чем она в другое время охотно бы стала рассуждать, теперь вовсе неуместно. По рассказам Ивана, он точно написал ей довольно резкое письмо⁸, отказываясь от хлопот ее и Блудовой⁹ за себя в определении на службу, и при этом довольно неосторожно выразился на счет настоящего порядка вещей, но такие письма она привыкла получать, особенно от него, и за два дня перед тем, может быть, оно ее вовсе бы не удивило и не оскорбило; но теперь, под влиянием нового решения при дворе, т. е. решения на мир, она сама быстро перестроила свои убеждения на новый лад и уже оскорбилась, что к ней могли относиться в другом тоне. Придворные люди всегда придворные, и связь их с двором так тесна, что их собственные взгляды и убеждения (незаметно, может быть, для них самих) изменяются, расширяются и суживаются, смотря по тому, какой ветер дует на дворцовом флюгере. Как ни умна Смирнова, но она не могла оторваться от зависимости придворной; это уже сделалось другой природой. Как бы то ни было, ее поступок не предвещает ничего доброго.

Письмо от Хлебникова — благодарность за ноты, описывает трогательные доказательства готовности жертвовать бедных людей. Болит русское сердце, говорит он. Девушка моя мне сказывала, что наши крестьяне толкуют о том, что Севастополь велено будет сжечь; один из них сказал: «Это все равно, что мне велят самому сжечь свою избу, потому что враги не смогли ее разрушить». Под Москвой об этом говорят и понимают, в чем дело, но на других концах России и слух о войне заходил толь-

ко как весть об рекрутстве. Пространна Россия, и народ потерял ведение; откроются ли уши и глаза его когда-нибудь? Получено также письмо от Гриши, у них дети в коклюше. Как это тяжело! Дай Бог, чтоб они скорее оправались.

12 января. Мамонов пробыл у нас три дня и вчера вечером уехал с Константином в Москву. Константин устроил у Самарина празднование юбилея университета по-своему. На публичное празднование они не пойдут: без мундиров не пускают. Они условились собраться несколькими прежним студентам разных курсов и написать каждому о времени своего студентства и прочтеш на этом вечере. Константин написал довольно пространное и очень интересное¹⁰. Мамонова тоже подстрекнули; в первый день он прочел нам описание, коротенькое и не дающее никакого понятия о времени. Ему все это заметили и посоветовали пополнить, что он и исполнил довольно удачно, и кажется, сам остался очень доволен своею деятельностью. Они с Константином работали, не переставая целый день, так что даже он сказал, что он написал бы, если б и не был у нас. Он не только ленив, но внутри его не слышно ничего твердого, прочного, дельного. Если б только нужно было возбудить его деятельность, этого еще бы можно было достичь как-нибудь, но в нем нет внутренней, духовной крепости, которую вряд ли возможно внушить кому-нибудь, и потом мне кажется, он способен взмечтать слишком: сейчас задает себе такие задачи, которых выполнить ни в каком случае не может, и бросает все. Что за люди!

Сегодня вечером должно быть это студентское собрание; как-то оно удастся? Константинова статья слишком спешно была написана и потому очень небрежно; он ее не успеет переписать и, верно, будет не разбирать, читая. Газет сегодня не получили, а только два письма от дяди Аркадия Тимофеевича, который приведен в совершенное отчаяние, читая, что пишет «Indépendance Belge» о России. Анна Степановна приписывает очень мило несколько строк и гораздо его рассудительнее; пишет, что только и разговоров что о политике. Получили также письмо от Трутовских¹¹. Слава Богу, у них все хорошо, счастливо; Трутовский занят своей живописью. О политических делах уже мало говорится, уже все бесполезно, чувствуется полное свое бессилие и только ждется что-то неопределенное в далекой дали. Что и когда будет, никто не может знать. Да совершатся святые судьбы Божии над нами!

14 января. Получили сегодня 11 и 13 №№ «Journal de Francfort», а 12-го нет; верно, задержан, так как и 2-й номер; особен-

ного ничего нет. Принятие нами всех 4 условий со всеми их истолкованиями совершенно подтверждается. Английский и французский послы в Вене получили полномочие от их дворов, и кажется, будет мир, потому что мы заранее на все согласны и, вероятно, подпишем все условия; тем более, что Пруссия, говорят, присоединилась к трактату 2 декабря, заключенному Австрией с иностранными державами; Сардиния также, и скоро, одна за другой, и все европейские державы то же делают. А между тем на этих же конференциях объявлено, что военные действия не прекратятся во время переговоров о мире, и иностранные державы посылают ежедневно подкрепления в Крым; несколько батальонов французской гвардии туда же отправились. Разнесся было слух о нашей победе над турками за Дунаем, будто бы мы разбили 12 тысяч турок и т. д. Но это преувеличено; точно, из корпуса Лидерса был отряжен ген. Ушаков с войском на рекогносцировку на другой берег Дуная, и после небольшого сопротивления турки бежали до Бабадага; наши атаковали Бабадаг, и скоро турки его оставили; у наших всего 1 солдат раненый, а турок с лишком 200 чел. убито, 80 пленных. Доказательство, как легко было бы нам завоевать всю Турцию теперь, когда там вовсе нет войск (Омер-паша отправился в Крым), и особенно при содействии болгар и греков. В Москве праздновали 12 января, столетие Московского университета. По этому случаю получена грамота от Государя, очень умно и хорошо написанная; вероятно, писал Блудов¹². Если б мы не знали заранее, что такого рода грамота и тому подобные слова — пустая бумага, мы бы порадовались за такое уважение к науке; но у нас это не имеет никакого значения, и не будет странно, если завтра же обратят университет в корпус. По поводу юбилея приготовлены и еще готовится много ученых трудов. Говорят, все должны быть в мундирах на этом торжестве, и потому многие, а в том числе и Константин, не будут участвовать в нем, а хотели сами его праздновать особо, частным образом. Сегодня был у нас сосед наш, Пальчиков, прекрасный, умный человек, очень образованный, благочестивый, с твердыми правилами, но ему недостает чего-то, трудно сказать, чего именно; он как-то слишком равнодушно относится ко всему, и к науке, и к знакомым, слишком везде следует по правилам.

16 января, воскресенье. Поутру получили мы «Московские Ведомости» и 2 номера «Journal de Francfort»... Известий политических особенно никаких, переговоры о мире не подвинулись и все скорее сомневаются в достижении мира. «Московские Ведомости» интересны более описанием юбилея, напечатаны речи

и адреса¹³. Слово митрополита, говоренное в университетской церкви, замечательно его особенным красноречием, места некоторые удивительно хороши и по глубине мысли, и по красоте и силе изложения. Все адреса от всех университетов и учебных заведений очень просты и хороши, кроме нескольких, весьма немногих, казенных мест в некоторых из них; во всех отозвалось живое, искреннее сочувствие со всех концов России. Только речь Шевырева невыносимо скучна, пошла и исполнена таких беспрестанных поклонений властям, что невыносимо слушать. В лице его не отличился Московский университет. Можно ли уметь так опозлить всякую мысль и предмет, изо всего сделать шутовство! Что за цветистая речь! Мы ее еще не кончили, как приехал из Москвы Константин, слава Богу, совершенно довольный своей поездкой. Собственно, на акте ни он, ни Самарин не были, отчасти потому, что думали, что без мундиров не будут пускать, отчасти потому, что им как-то не захотелось участвовать на торжестве, в которое вмешалось правительство. Слухи ходили и подтвердились, что вводят батальонное учение в университетах, дают каски и т. д. Но несмотря на казенное вмешательство, это торжество не потеряло своего собственного значения и встретило везде искреннее сочувствие. Все университеты и все училища прислали своих депутатов с адресами (кроме Дерптского, который прислал только адрес). От всех концов съехалось множество всяких лиц, старых студентов и профессоров, для празднования этого дня, и торжество, говорят, удалось как нельзя лучше, потому что было искренно. И Константин и Самарин очень жалели, что увлеклись каким-то оппозиционным духом, тем более, что они могли успеть побывать и на акте, и воротиться вовремя на свой юбилей, в доме Самарина. Их домашний юбилей удался тоже прекрасно. Хомяков был приглашен как гость. Все, кроме Елагиных, приготовили описания своей университетской жизни. Константин заставил Самарина написать в тот же день, и хотя он не успел кончить, но вышло и умно, и живо, и хорошо написано¹⁴. Князь Черкасский, Стахович также написали; у всякого вышло в своем роде и все было интересно, живо, так просто и искренно, что все были вполне довольны и как будто помолодели. По годин приехал среди чтения, и хотя в некоторых описаниях касалось и до него и в числе отзывов были ему и не очень лестные (впрочем, касающиеся более его слога, неумения писать), но он принял все как нельзя лучше, умилялся и улыбался от удовольствия; в заключение он прочел речь «о Ломоносове», которую не успел прочесть в университете. Все были довольны,

во всех пробудилось какое-то одушевление, все почувствовали какую-то связь между собой. Из посторонних был Иван Сергеевич Тургенев и еще человека три. Тургенев — человек, вовсе не принадлежащий к этому кругу, но очень желает примкнуть к нему, потому что отстаёт от противоположного круга. За ужином предложили тосты за университет и за Москву, заставили Константина прочесть стихи его «Свободное Слово», потом стихи Ломоносова, и так разошлись, все очень довольные.

На другой день, получив приглашение на обед университетский, Константин и Самарин решились ехать. Обед был великолепный, обедало 500 человек. Жаль, что американский посол, приехавший нарочно на юбилей и присутствовавший накануне на акте, простудился и не мог быть на обеде. На этом обеде Константин встретил много старых знакомых, которые все ему чрезвычайно обрадовались, обнимались и целовались, по славянскому обычаю. В том числе Милютин, теперь уже генерал, а 23 года тому молодой 17-летний мальчик, принимавший участие в литературном обществе, заведенном тогда Константином. Он вспомнил об этом и сказал, что хранит протоколы этого общества. На другой день Константин, захавши к Грановскому (который сделал ему перед этим упрек, что он никогда его не видит), согласился у него отобедать, тем более, что Милютин должен был там же обедать; но вместо одного Милютина Константин нашел там весь Запад, и не только московский, но и петербургский; так, например, издатели журналов петербургских и т. д. Обед этот и все общество оставило крайне неприятное впечатление на Константина; он очень жалел, что на него попал. Между тем, в этот день давался обед студентам, и в том числе некоторые профессора и министры присутствовали на нем. Обед, т. е. одушевление, речи, восторг, был необыкновенный. Шевырев, по словам даже его недругов, говорил превосходно. Норов увлекся, выразил искренно свою любовь к университету и студентам, те хотели его даже качать, но он уклонился. Норов целовался, говорят, со студентами. Говорят, была минута, когда многие перекрестились. Что это такое было, трудно понять, но, по свидетельству людей беспристрастных, это было все искренно и просто. В день юбилея Самарин, Константин и множество студентов и профессоров ездили расписаться к Строганову, бывшему попечителю университета, хотя направления западного, но не унижавшему университета, который был почти вынужден правительством оставить эту должность. Строганова не было в Москве, и все это знали, но все хотели, по крайней мере, заявить ему свое одобрение: около дома его была толпа,

это была маленькая демонстрация. Впрочем, конечно, Константин не может быть лично благодарен Строганову, который постоянно преследовал его и даже, как уверяют люди знающие, писал на него донос; все проделки с диссертацией Константина были — его дело. Много видел Константин знакомых, и многие сказали ему, что собираются к нам. Константин предложил дать обед американскому послу; эта мысль понравилась, но вскоре увидели, что она неудоисполнима: начальство или бы запретило, или бы само вмешалось, чего, конечно, никто не желал. У князя Юрия Оболенского Константин читал по просьбе его записку о своем студенчестве и стихи свои. Там он видел очень хорошенькую девушку, племянницу Оболенского, Евреинову. С Катериной Алекс. Черкасской у Константина был весьма важный и сильный разговор по поводу некоторых выраженных его нравственных взглядов, например, о необходимости руководителя для женщины и т. д. Константин услышал и узнал в этом то безнравственное начало, которое давно уже нас возмущает и по поводу которого он написал прекрасные стихи «Лже-дух»¹⁵. Это именно утонченная безнравственность нашего времени, которая умела проникнуть во все святые чувства и мысль человека, и как сильно это зло, как незаметно оно вкрадывается под личиной всего прекрасного!

По предложению Константина, у Хомякова устроился филологический вечер, который состоял из четырех филологов: Хомякова, Константина, Гильфердинга и Коссовича. Они вдоволь и всласть наговорились о филологии и даже безжалостно продолжали свои разговоры при посторонних посетителях. Чаадаев неожиданно попал на это заседание, посидел, не выдержал и ушел. Позднее собрались туда Самарин и другие и уже поздно разъехались.

25 января, вторник. Опять давно не писала; несколько дней провели мы так шумно, что только теперь отдохнули. Через пять дней после возврата Константина из Москвы приехал перед обедом Тургенев с Щепкиным; его мы ждали, но не ждали Щепкина. Я не хотела даже выходить на это время (я и в первый раз, когда был у нас Тургенев, не выходила из своей комнаты, не имела особенного интереса его видеть). Мы поехали с Любинькой кататься в деревню; возвращаемся, кучер нам говорит: «Еще приехали гости», смотрим, от крыльца отъезжает кибитка. Это был Хомяков с Гильфердингами, отцом и сыном. Этих людей я непременно желала видеть и потому вышла в гостиную. Как ни рады мы были все Хомякову и Гильфердингам, но очень жалели, что они съехались вместе с Тургеневым, чело-

веком совершенно противоположным по всем убеждениям. Гильфердинг отец приехал первый раз к нам; человек весьма почтенный и летами и достоинствами, с живым участием ко всему, и очень радушный, с учтивостью и приветливостью прежнего времени; он всем очень понравился, хотя и многие его понятия устарели, и он, служа в министерстве иностранных дел, не позволяет себе резко выражаться об нем, хотя и не защищает его действия. Он, конечно, крайне некрасив лицом, но это безобразие вовсе не противно. Через несколько часов он был у нас как будто давно знакомый.

Тургенев — огромного роста, с высокими плечами, огромной головой, чертами чрезвычайно крупными, волосы почти седые, хотя ему еще только 35 лет. Вероятно, многие его находят даже красивым, но выражение лица его, особенно глаз, бывает иногда так противно, что с удовольствием можно остановиться на лице отца Гильфердинга. Тургенев мне решительно не понравился, сделал на меня неприятное впечатление. Я с вниманием всматривалась в него и прислушивалась к его словам, и вот что могу сказать. Это человек, кроме того, что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того, что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это — человек, способный только испытывать физические ощущения; все его впечатления проходят через нервы, духовной стороны предмета он не в состоянии ни понять, ни почувствовать. Духовной, я не говорю в смысле веры, но человек, даже не верующий, или магометанин, способен оторваться на время от земных и материальных впечатлений, иной в области мысли, другой под впечатлением изящной красоты в искусстве. Но у Тургенева мысль есть плод его чисто земных ощущений, а о поэзии он сам выразился, что стихи производят на него физическое впечатление, и он, кажется, по тому судит, хороши ли они или нет; и когда он их читает с особенным жаром и одушевлением, этот жар именно передает какое-то внутреннее физическое раздражение, и красоты чистой поэзии, уже нечисты, выходят из его уст. У него есть какие-то стремления к чему-то более деликатному, к какой-то душевности, но не духовному; он весь — человек впечатлений, ощущений, человек, в котором нет даже языческой силы и возвышенности души, какая-то дряблость душевная, как и телесная, несмотря на его огромную фигуру. А Константин начинал думать, что Тургенев сближается с ним, сходится с его взглядами и что совершенно может отказать от своего прежнего, но я считаю это решительно невозможным. Хомяков сказал справедливо, что это все равно,

что думать, что рыба может жить без воды. Точно, это — его стихия, и только Бог один может совершить противоестественное чудо, которое победит и стихию, но конечно, не человек. Константин сам, кажется, в этом убеждается и на прощаньи пришел в сильное негодование от слов Тургенева, который сказал, что Белинский и его письмо¹⁶, это — вся его религия и т. д. Я уже не говорю о его ошибочных мыслях и безнравственных взглядах, о его гастрономических вкусах в жизни, как справедливо Константин назвал его отношение к жизни, а я говорю только о тех внутренних свойствах души его, о запасе, лежащем на дне всего его внутреннего существа, приобретенном, конечно, такой искаженной и безобразной жизнью и направлением, но сделавшемся уже его второй природой. При таком состоянии, мне кажется, если Бог не сделает над ним чуда и если он не сокрушит сам всего себя, все его стремления и приближения к тому, что он называет добром, только еще более его запутают, и он тогда совершенно оправдает стихи Константина: «Дай Бог, чтоб всем нам придти к истинному свету».

И возле этого человека — Хомяков, человек по преимуществу исключительно духовный, не в смысле только его возвышенной, разумной, истинной веры, согретой самым искренним душевным убеждением, не только в смысле его строгой нравственности, но по свойству его природы, трезвый во всех своих впечатлениях и проявлениях. Необыкновенный человек!

Гильфердинг молодой, ученый всей душой, но несмотря на свою изумительную ученую деятельность, несмотря на исключительность своего направления, он не только человек не односторонний, не сухой, но напротив, принимающий самое живое участие во всех современных вопросах, исполненный самого радужного и безразличного сочувствия ко всем людям; он интересуется жизнью каждого человека, с которым встречается, его занятиями, его впечатлениями, и если только может чем-нибудь с своей стороны быть полезным, удовлетворить каким-нибудь добрым желанием и потребностям людей, особенно которых уважает, он сейчас же предлагает свои услуги, и от него приятно их принимать. Мы его все очень любим за его общительный характер и давно уже дружески с ним знакомы; он и прежде провел у нас в два раза неделю. Щепкин очень глух, и жалко его видеть в обществе не принимающим участия в разговорах.

Обед прошел живо, и хотя мы не ждали гостей, а достало на всех. Тургенев заранее уже завладел стулом возле отесеньки; трудно даже поверить, что он привязывает к такому пустяку

какое-нибудь значение. После обеда, когда вошли мы в гостиную, нас было так много, как будто на рауте в Москве. Начались разные толки и разговоры, иногда общие, иногда частные. Хомяков было думал читать нам свою новую французскую статью о значении православия, католицизма (или, как называет Хомяков, романизма) и протестантизма, но так как тут были бы слушатели, вовсе неспособные понять ее, и так как отесеньке трудно было бы слушать скорое чтение Хомякова по-французски, то чтение не состоялось, и мы, т. е. сестры и Гильфердинг молодой, попросили у Хомякова позволения прочесть ее особо¹⁷.

После чаю мы сели особо в залу за стол; Гильфердингу надобно было сверять свою копию с этой статьи, и мы начали читать, то Гильфердинг, то я, вслух. Статья эта необыкновенна; светлый христианский разум, освещающий, как день, все богословские вопросы веры, самая глубокая душевная вера, живящая все разумные доводы и служащая основой и источником всех его взглядов на весь мир, все, что поражает нас так сильно и заставляет читателя испытать самое высокое наслаждение. Только в некоторых местах вопросы чисто специально богословские для меня не вполне доступны. Мы восхищались каждым словом, каждое слово так полно, так точно, так обдуманно, что удивляешься, каким образом французский язык мог выразить такие глубокие мысли. Мы прочли только половину, в гостиной шумели и говорили, и мы решились оставить чтение до другого дня.

В гостиной шли разговоры о России и русском человеке между Константином, Хомяковым и Тургеневым. Разумеется, с Константином никто вполне не соглашается в его мнении о русском человеке, т. е. крестьянине; вследствие того выходило, что Тургенев с Хомяковым как будто были одного мнения. Константин это и заметил Хомякову, но Хомяков поспешил, даже вопреки учтивости, отречься от того, говоря, что он не одного мнения с Тургеневым и что если б они разговорились далее, то разошлись бы совершенно во взглядах и т. п. Тургенев понял это и сказал: «Константин Сергеевич, в самом деле, хитер, он знал, что его слова помогут ему», или что-то в этом роде. Говорят, Тургенев говорил очень умно. Разошлись, я думаю, около часу.

На другой день поутру, только что мы проснулись, нам говорят, что приехали еще гости. Мы думали, что это Стахович, который давно собирается к нам и потому только не поехал в одно время с Хомяковым, что узнал, что у нас будет много гос-

тей; но это был не Стахович, а князя Юрий и Андрей Оболенские, добрейшие люди и самые простодушные. Мы им всегда рады и жалели, что среди многих других гостей не успеем ими заняться. Юрий Оболенский знал, что у нас будут гости, но Андрею сказал о том, только подъезжая к дому, и того это так смутило, что он готов был воротиться. Итак, наше общество прибавилось еще двумя рослыми мужчинами, и в комнатах еще стало теснее. После завтрака, по просьбе всех гостей, Константин читал отесенькины сочинения, именно хронику: «Женитьбу дедушки и бабушки». Они были, разумеется, в восхищении, особенно Хомяков и Гильфердинг-отец. Тургенев хотя и восхищался, но сделал несколько замечаний. Оболенские уже слышали это самое сочинение и говорят, что в другой раз слушали еще с большим наслаждением. Перед обедом пошли погулять, сперва Тургенев один, а там и все 10 человек, но скоро воротились, потому что чуть не завязли в снегу. Мы поехали кататься и посадили с собой Гильфердинга молодого. Но ветер был так силен, что катанье не было очень приятно, к тому же лошади наши насилу нас ввезли на гору и, когда мы велели повернуть назад, то совсем было завязли. Внимание исключительное Гильфердинга к Л., начавшееся с первой минуты знакомства и возобновившееся с первой же минуты свиданья, нас очень забавляло, тем более, что Л. принимала это внимание очень сурово и даже иногда чуть не грубо. Перед обедом все почти пошли отдохнуть наверх, а Константин с Гильфердингом-сыном воспользовались этим временем, чтобы наговориться о филологии. Оболенские и Щепкин остались внизу, и мы прочли между тем «Театральные сцены» Жихарева¹⁸, где выведен князь Шаховской на репетиции; написано недурно, но не так, чтобы возбудить общий интерес. Тургенев вскоре сбежал сверху в ужасе от разговоров о филологии, которых был невольным слушателем. Скоро и все сошли и сели за стол, который еще более растянулся в этот день. Обед был очень живой, и часто Тургенев возбуждал общий смех своим отвращением к филологии. После обеда было опять чтение другого отрывка из хроники об М. М. Куроедове. Чтение это возбудило, разумеется, много толков о подобного рода жестоких помещиках и т. д. Тургенев расхохотался, пришел в неистовство, нервы его раздражились, и он жалел, что Куроедов не был наказан Степаном Михайловичем примерным образом и т. д. Вечер прошел в разнородных разговорах — и общих, и частных — и толках. Я успела прочесть всю статью Хомякова; Хомяков, поужинав и закурив трубку, расположился, кажется, долго сидеть, по своему обыкновению, но в гости-

ной должны были лечь Рюриковичи, которые всю ночь почти не спали и нуждались в отдыхе¹⁹. Мы стали прощаться: так как Хомяков и Гильфердинг уезжали рано утром, то я и простилась с ними заранее. Прощаясь с Хомяковым, я сказала, какое наслаждение доставила мне его статья. Хомяков принимает всякое сочувствие и одобрение, даже хоть от малого ребенка, с удовольствием и благодарностью, и благодарил меня искренно. В то время, как я ему говорила, мы услышали слова Тургенева, обращенные к маменьке: «Даю вам слово, что в будущее воскресенье пойду в церковь».

Мы переглянулись, я спросила Хомякова: «Какое, вы думаете, произвела бы ваша статья впечатление на Тургенева?»

— Ровно никакого, — сказал он, — т. е. он бы сказал: да, это умно, очень хорошо и больше ничего, и следа бы не осталось.

— Да, — отвечала я, — он, кажется, вовсе не способен ничего понять духовного; однако ж есть какие-то стремления, но это не к духовному, а к душевности какой-то. Он все понимает только впечатлениями, чисто даже физическими.

— Да, это правда, — сказал Хомяков, — стихи Константина Сергеевича, которые он мне читал, сильно написаны на него.

Потом мы поговорили о том, как удивительно, что Vinet, разрушая католицизм и протестантизм²⁰ и чувствуя потребность чего-то другого, какого-то нового жизненного начала в церкви, не только не подозревает, что оно может находиться в православии, но даже не указывает на него, даже не упоминает о нем, как будто его не бывало, а между тем сколько десятков миллионов исповедуют его, и человек ученый, изучивший, конечно, все древнее и новейшее, не знает и не обращает внимания на то, что совершается не далеко от них в виду всех. Удивительно! Даже не находя исхода и утешения на Западе и не видя залогов возрождения в будущем, он указывает на отдаленный несчастный народ и думает в его смирении и детской любви к Богу и детских понятиях найти в будущем обновление жизни веры. Бичер-Стоу, замечательная американская писательница, превосходным, особенно полезным романом своим «Uncle Tom»²¹, также думает, что из этого народа возникнет истина веры. Хомяков сказал, что ему обидно и больно, что он не знал о Vinet при жизни его, что он, конечно бы, сошелся с ним во взгляде. Конечно, Vinet, сколько мог, понял и предчувствовал православие в возможности. Хомяков обещал нам прислать как можно скорее список статьи; черновую же не может дать потому, что она очень перемарана. Он говорит: «Я сидел за каждым словом подолгу для того, чтоб мои враги — не столько иностран-

цы, сколько здешние, особенно духовного звания и направления, — не могли придраться ни к одному слову». Прочтя статью его, чувствуешь силу православия и силу русского ума. Ни то ни другое не может сокрушиться.

На другой день, еще я не вставала, когда уехали Хомяков и Гильфердинги — отец с сыном к Троице, а оттуда в Москву, и в то же время Тургенев с Щепкиным прямо в Москву. Перед отъездом Тургенев высказал некоторые свои мысли, которые привели в негодование Константина, и он сильно выразил его. Тургенев, прощаясь с маменькой, сказал: «Вы, по крайней мере, не отчаиваетесь во мне, как ваш сын», и повторил обещание быть у обедни в будущее воскресенье. У нас остались два Оболенские, но это такие добрые и простодушные люди, что нам показалось, что мы остались одни, и отдохнули с ними. Но князь Юрий Оболенский очень неловко пустился рассуждать и сам совершенно запутался в своих рассуждениях. Константин попробовал было ему уяснить значение брака, как таинства и т. д., но тот остался при том, что после рассуждений он убеждается, что брак не таинство и т. д., и потому лучше не рассуждать. Князь Андрей несравненно умнее и все может понять, прекрасный человек и очень нас любит. Они упросили прочесть Шишкова²², а после обеда читали «Год в деревне» (отрывок из «Гимназии»). Разумеется, остались очень довольны; уже поздно вечером уехали и они, и мы остались одни.

На другой день принялись все опять за прежние свои занятия. Как обыкновенно водится, часто толковали о посещении гостей, об каждом из них в особенности и т. д.

Сегодня, т. е. 25 января, получил Иван письмо от князя Юр. Оболенского с уведомлением, что брат его Дмитрий зовет Ивана в Петербург, чтоб переговорить об месте в Астрахани. Иван решил ехать, хотя, по его словам, вряд ли можно ожидать, что он возьмет на себя это место. Константин также собирался в Москву, и потому они поедут вместе.

